

Лебедев А. П. Сущность христианства по изображению церковного историка Адольфа Гарнака: Из университетских лекций по истории Церкви // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 11. С. 429—445 (2-я пагин.). (Продолжение.)

„Сущность Христианства“, по изображению церковного историка Адольфа Гарнака ¹⁾.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

Второй вѣкъ. — Апостольскій вѣкъ, говоритъ Гарнакъ, остался у насъ позади. Мы видѣли, что въ теченіе этого періода Евангеліе отрѣшилось отъ родной почвы іудейской и вступило на широкіе пути греко-римскаго міра. Ап. Павелъ преимущественно былъ тѣмъ лицомъ, которое совершило это, а вмѣстѣ съ тѣмъ христианство перешло въ область всемирной исторіи. Явленіе это само по себѣ не было какимъ-либо тормазомъ въ исторіи развитія христианства. Но тѣмъ не менѣе теперь должны были возникнуть новыя формы, и эти формы сдѣлались ограниченіемъ и отягощеніемъ для христианства. Все это мы ближе узнаемъ, говоритъ историкъ, если мы посмотримъ, какимъ образомъ христианская религія, постепенно развиваясь, превращается въ католичество, т. е. становится католическою церковію.

Это великое превращеніе происходитъ въ теченіе II-го вѣка. Разсматриваемый періодъ обнимаетъ отъ 100 до 120 лѣтъ (послѣ время апостольскихъ) и простирается до 200-го года нашей эры. Въ это время мы видимъ великое церковно-политическое общество (церковь), при чемъ каждая изъ отдѣльныхъ христианскихъ церквей выставяла себя, какъ учрежденіе богослужебное, въ которомъ Богу воздается почитаніе по торжественному ритуалу. Характерно выступаетъ уже въ этомъ культовомъ устройствѣ

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Октябрь стр. 305—330.

различіе священниковъ отъ мірянъ; нѣкоторые богослужебные акты могъ вообще совершать только священникъ, посредничество послѣдняго слѣбалось совершенно необходимымъ. Да и вообще только черезъ посредство такого или другого рода можно—стало приблизиться къ Богу, посредствомъ правой вѣры, правильнаго служенія и святой книги. Живая вѣра, кажется, превратилась въ исповѣданіе (символь) вѣры, преданность Христову—въ хринологию, горячая надежда на царство (Божіе)—въ ученіе о безсмертіи и о боготвореніи (обоженіи), пророчество превратилось въ ученый экзегезъ и богословскую науку, носители Духа (святаго)—въ клириковъ, братья—въ мірянъ, подлежащихъ опека, чудеса и изцѣленія—въ ничто (?) или въ искусство священниковъ, теплыя молитвы перешли въ торжественныя гимны и литаніи, духъ кротости—въ положительное право и насиліе. При этомъ отдѣльные христіане, живя среди міра, задавали себѣ жгучій вопросъ: насколько можно приобщаться здѣшной жизни, чтобы не потерять званія христіанина? И этотъ чудовищный (!) переворотъ произошелъ въ теченіе 120 лѣтъ! восклицаетъ Гарнакъ.

Вотъ какъ понимаетъ этотъ писатель каѳоличество церкви. Каѳоличество есть зло; въ этомъ отношеніи Гарнакъ не говоритъ ничего новаго, оставаясь на обычной точкѣ зрѣнія протестантовъ. Но вотъ что странно: Гарнакъ самъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ не далъ своей церкви никакого устройства, слѣдовательно она должна была получить это устройство и дѣйствительно очень скоро получила его. А между тѣмъ нашъ ученый не доволенъ „новыми формами“, въ которыя отлилась жизнь церкви, явно глумится надъ ними. Въ чемъ же вина церкви, если она сдѣлала то, что должна была сдѣлать, но сдѣлала вовсе не такъ, какъ желалъ бы онъ?

Церковь, принявъ видъ каѳоличности, по разсужденію Гарнака, оказала извѣстнаго рода пользу христіанству, но въ еще большей мѣрѣ повредила ему. Какую задачу разрѣшила эта церковь, какой услугой ознаменовала себя, спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: она оказала двоякаго рода услугу: во первыхъ она поборола естественную религію (боготвореніе природы), многобожіе и политическую (государственную?) религію и во всякомъ случаѣ сильно оттѣснила

нихъ на задній планъ; во вторыхъ она побѣдила дуалистическую религиозную философію. Но этимъ и ограничивается, по словамъ Гарнака, то доброе, что сдѣлала католическая церковь II вѣка. Что же дурного совершено этою церковію? Если я не ошибаюсь, говоритъ историкъ, три главные момента привело съ собою указанное превращеніе, а съ ними соединялось возникновеніе новыхъ формъ.

1. Первый моментъ соотвѣтствуетъ общему закону религиозной исторіи: его мы встрѣчаемъ въ развитіи каждой религіи. Если второе и третье поколѣнія скончались, если сотни и тысячи не присоединяются уже къ новой религіи путемъ личнаго обращенія въ нее, а путемъ преданія и рожденія отъ христіанъ (вопреки замѣчанію Тертуліана: *fiunt, non nascuntur Christiani*), если наряду съ тѣми, кто приѣмлетъ вѣру, какъ истинное сокровище, въ большемъ числѣ появляются и такіе, которые принимаютъ ее какъ какую-то внѣшнюю одежду, тогда происходитъ переворотъ въ положеніи вещей. Тотчасъ окаменѣваютъ формы религіи; благодаря такому окаменѣнію онѣ получаютъ значеніе, и къ нимъ начинаютъ присоединяться все новыя и новыя формы.

Такъ и было, по Гарнаку, во II вѣкѣ. Вотъ онъ—первый моментъ перемѣны вещей: первоначальный энтузіазмъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, исчезаетъ и векорѣ же возникаетъ религія закона и формъ.—Еслибы и въ самомъ дѣлѣ теченіе вещей происходило такъ, какъ описываетъ его въ вышеприведенныхъ словахъ Гарнакъ (въ чемъ однакожъ позволительно полное сомнѣніе), то спрашивается: при чемъ тутъ „католичность“ церкви II вѣка?

2. По сужденію Гарнака, въ періодъ II столѣтія исчезаетъ не только первоначальный элементъ (энтузіазмъ), но также и нѣчто другое. Происходитъ внѣдреніе эллинскаго духа, попросту эллинизма въ религію христіанскую. Внѣдреніе эллинизма и соединеніе съ нимъ евангелія (т. е. христіанства) есть величайшій фактъ въ церковной исторіи II вѣка, и оно переходитъ на дальнѣйшія столѣтія, замѣчаетъ историкъ. Можно, по словамъ его, различать три ступени, на которыхъ эллинизмъ оказывалъ вліяніе на христіанскую религію—и при этомъ одну подготовительную ступень. Эту подготовительную ступень нѣмецкій ученый описываетъ такъ. Пришло время, когда можно было также и на востокъ ды-

шать греческимъ воздухомъ, при чемъ духовный горизонтъ далеко распростерся за предѣлы каждой націи. Однакожь нельзя сказать, чтобы возможно было отыскать во сколько-нибудь значительной мѣрѣ эллинскій элементъ, не говоря ужъ объ евангеліи, а и въ другихъ древнихъ христіанскихъ сочиненіяхъ. Этотъ элементъ, если оставимъ въ сторонѣ нѣкоторые замѣтные слѣды его у Павла, Луки и Іоанна, должно искать главнымъ образомъ въ *возможности* появленія новой религіи (sic!). Но объ этомъ не станемъ распространяться (почему же однако?!). *Первая* ступень дѣйствительнаго проникновенія опредѣленныхъ греческихъ идей и греческаго образа жизни относится ко времени около 130-го года. Тогда начала внѣдряться религіозная философія въ христіанство и достигла потомъ до центра религіи. Она искала внутренняго союза съ христіанскою религіею, и наоборотъ сама христіанская религія протягивала руки къ этой своей сообщницѣ. Рѣчь идетъ, заявляетъ изслѣдователь, именно о греческой философіи, а не о греческой міеологіи и не о греческомъ культѣ, слѣдовъ вліянія которыхъ указать еще нельзя въ рассматриваемое время. Только великій капиталъ, собранный философіею со временъ Сократа, воспринять былъ церковію и притомъ осторожно, съ большою предусмотрительностію. Но на столѣтіе позднѣе, около 220—230 годовъ находимъ вторую ступень: теперь уже и греческія мистеріи и греческая цивилизація во всей ихъ широтѣ начинаютъ оказывать вліяніе на церковь, — говоримъ: мистеріи и цивилизація, но не міеологія и политеизмъ. Нужно было пройти еще столѣтію, — и только тогда эллинизмъ во всей его полнотѣ, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ обладалъ, водворяется въ церкви. Разумѣется и при этомъ со стороны церкви принимались нѣкоторыя мѣры предосторожности, но онѣ чаще всего состояли только въ перемѣнѣ этикетокъ (надписей); существо же эллинизма теперь воспринято безо всякихъ измѣненій. Это въ особенности нужно сказать о почитаніи святыхъ, и вотъ въ результатъ получилась христіанская религія высшаго порядка. Вторая и третья ступени эллинизировація христіанства появились позднѣе, а во II вѣкѣ дѣло ограничивалось воспринятіемъ со стороны церкви эллинскаго духа, и именно греческой философіи, въ частности Платонизма.

Въ приведенныхъ возрѣніяхъ Гарнака нѣтъ ничего новаго, ихъ онъ и ранѣ развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ—и притомъ очень настойчиво. Лучшая западная критика давно уже по достоинству оцѣнила странную попытку отыскать и указать „сущность христіанства“ въ эллинизмъ. Безсодержательное христіанство, какимъ онъ представляетъ себѣ первоначальное христіанство, по необходимости должно было со стороны заимствовать свое содержаніе. И мы сами имѣли уже случай сдѣлать критическія замѣчанія касательно этой стороны церковно-историческихъ теорій нѣмецкаго ученаго (См. „Церковн. Исторіографію въ главныхъ ея представителяхъ“, стр. 448—456. М. 1898).

Важнѣйшимъ прибыткомъ, полученнымъ церковію отъ эллинизма во II вѣкѣ, по сужденію Гарнака, было ученіе о Логосѣ. Ученіе это чисто-эллинское. У грековъ оно имѣло значеніе космологическаго понятія, которое сдѣлалось въ ихъ средѣ высшимъ объединительнымъ принципомъ для міра, мышленія и этики: при этомъ Логосъ мыслился творщимъ и дѣятельнымъ божествомъ въ отличіе отъ божества покоящагося, не проявляющагося вовнѣ. Важнѣйшимъ дѣломъ въ исторіи христіанскаго вѣроученія было то, пишетъ нѣмецкій историкъ, что въ началѣ II вѣка христіанскіе апологеты рѣшили уравненіе, провозгласивъ формулу: Логосъ=Иисусу Христу, Христосъ есть Логосъ. Да и раньше апологетовъ древніе христіанскіе учителя (!) между другими предикатами, которые они прилагали ко Христу, употребляли и наименованіе Логосъ, а одинъ изъ нихъ, Іоаннъ (?) выставилъ уже положеніе: „Логосъ есть Христосъ“. Но этотъ послѣдній не поставилъ указаннаго положенія въ основу всего міросозерцанія о Христѣ: „Логосъ“ у Іоанна былъ лишь предикатомъ. Теперь же появляются учителя, которые ранѣ своего обращенія были приверженцами платоно-стоической философіи, и для которыхъ по этому самому понятію „Логосъ“ составляло неотъемлемую принадлежность ихъ спекуляцій. Они учили, что Ис. Христосъ былъ воплощеніемъ Логоса, который прежде открывался лишь динамически, въ обнаруженіи своихъ свойствъ. Такимъ образомъ на мѣсто совершенно неудобнообразуемаго для грековъ понятія „Мессія“ поставлено вразумительное понятіе „Логоса“, и колеблющаяся христология пріобрѣла

твердую форму; мировое значеніе Христа прочно закрѣплено, Его исполненное таинственности отношеніе къ Божеству уяснено, космосъ, разумъ и этика приведены въ гармонію. Въ самомъ дѣлѣ, восклицаетъ Гарнакъ, какая это удивительнѣйшая формула! Признаніе, что Божество Христа было Логосомъ, открывало путь для множества проблемъ и давало имъ совершенно опредѣленныя границы и направленіе. Это признаніе, по мнѣнію Гарнака, представляло возможность понимать, наприм., Христа съ одной стороны какъ дѣйствительное Божество, съ другой какъ настоящаго человека. Далѣе, отождествленіе Логоса со Христомъ стало рѣшительной точкой, на которой происходитъ объединеніе греческой философіи съ апостольскимъ наслѣдіемъ, и приводило мыслящихъ грековъ къ евангелію и т. д.

Вопросъ объ отношеніи эллинскаго ученія о Логосѣ къ ученію о томъ-же предметѣ христіанства съ давнихъ временъ занималъ мысль христіанскихъ богослововъ. Въ настоящее время надъ этимъ вопросомъ изошряютъ свое остроуміе въ особенности протестантскіе теологи. Гарнакъ въ этомъ случаѣ не стоитъ одиноко. Но счастливѣ ли рѣшаетъ онъ этотъ вопросъ, чѣмъ другіе либеральныя теологи Германіи? Очень сомнѣваемся. Гарнакъ утверждаетъ, что ясно и опредѣленно эллинское понятіе о Логосѣ привнесено въ сознаніе христіанской церкви, въ христологію лишь въ „началѣ“ II вѣка—апологетами. Согласимся съ Гарнакомъ. Но вѣдь съ этимъ еще не рѣшается вопросъ о происхожденіи *христіанскаго* ученія о Логосѣ. Оно появилось до „начала“ II вѣка, въ евангеліи Іоанна (чего не отрицаетъ и Гарнакъ); а въ такомъ случаѣ выходитъ, что христіанское ученіе о Логосѣ, по его происхожденію, отодвигается къ I вѣку, къ апостольскому вѣку; значитъ оно развилось раньше, чѣмъ христіанскіе ученые познакомились съ эллинскимъ ученіемъ о Логосѣ, что было въ началѣ II вѣка. Такимъ образомъ получается выводъ, неблагоприятный для историческихъ комбинацій нѣмецкаго ученаго. Вотъ, почему онъ умышленно избѣгаетъ прямо сказать, когда же именно произошло евангеліе Іоанново, и чѣмъ, въ какихъ отношеніяхъ позднѣйшая догматологія отличается отъ Іоанновой догматологіи? Но въ подробности этихъ вопросовъ однакожь и вѣтъ надобности пускаться, онѣ обстоятельно разъяснены и въ

русской наукѣ, проф. кн. Трубецкимъ, проф. Муретовымъ. Молчановымъ (носящимъ въ настоящее время санъ архіерея).

Гарнакъ считаетъ необходимымъ указать и на тотъ вредъ, какой принесло для церкви принятіе ею ученія о Логосѣ, такъ какъ находить, что „отожествленіе Логоса со Христомъ далеко не одно счастье (ein Segen) несло съ собою“. Къ числу такого рода послѣдствій онъ относитъ то, что это отожествленіе въ еще большей степени, чѣмъ прежнія спекуляціи о Христѣ, приковало къ себѣ интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивала свою силу приверженность къ простотѣ Евангелія, самое Евангеліе въ значительной мѣрѣ превращалось въ религіозную философію.

3. Въ то время, какъ христіанская религія подвергается медленному вліянію эллинизма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходило „острое эллинизированіе“ христіанскихъ принциповъ. Второй вѣкъ есть вѣкъ религіознаго смѣшенія, теокрасіи, какъ никакой другой. Въ это смѣшеніе втянуто было и христіанство на ряду съ другими элементами, и притомъ какъ элементъ наибаважнѣйшій. Здѣсь, какъ и естественно, Гарнакъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на гностицизмѣ, на гностицизмѣ, который, первѣе всего будучи эллинизмомъ, въ то же время всосалъ въ себя всѣ мистеріи, восточную культовую мудрость, возвышеннѣйшее наряду съ нелѣпнѣйшимъ; и наконецъ онъ набрасывается, какъ выражается Гарнакъ, на христіанское благовѣстіе. Все въ гностицизмѣ приняло хаотическій, но въ то же время и возвышенный характеръ. Гностицизмъ не только все превращалъ въ смѣшеніе, но и созидаль. Какое сильное впечатлѣніе производила христіанская проповѣдь, замѣчаетъ онъ, и какимъ великимъ искушеніямъ подвергалась она сама! Гностицизмъ пустился во всю ширь на религіозные эксперименты, онъ дѣйствовалъ во имя Христова, сильно и выразительно развилъ нѣкоторыя христіанскія идеи, старался придать форму безформенному, очень некрасивое отбросить и все теченіе христіанскаго развитія направить такъ, какъ хотѣлось самому гностицизму. Множество вѣрующихъ, удерживаемыхъ ихъ епископами, не попало въ разставленную ловушку, оно вступило въ борьбу съ этого рода обольщеніями въ убѣжденіи, что здѣсь скрывается дьяволь-

скій обманъ. При этомъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду точно опредѣлить, что нужно считать за дѣйствительно христіанское, а все, что казалось не сообразнымъ съ этимъ элементомъ, отбросить и объявить язычествомъ. Борьба съ гностицизмомъ, съ особеннымъ удареніемъ заявляетъ Гарнакъ, побудила церковь вложить свое ученіе, свой культъ и свою дисциплину въ точныя формы и подчинить ихъ твердымъ законамъ, и при этомъ извергать изъ своей общины каждаго, кто не хотѣлъ сообразоваться съ этими нормами. Если подъ каѳоличностію, говоритъ Гарнакъ, станемъ разумѣть ученіе церковное и правила церковныя, то несомнѣнно, что каѳоличность возникла въ это именно время и развилась въ борьбѣ съ гностицизмомъ. Но недешево обошлось церкви это важное пріобрѣтеніе, по сужденію Гарнака. Побѣдители оказались почти побѣжденными, потому что можно сказать о послѣднихъ въ отношеніи къ первымъ: *victi victoribus legem dederunt*. Конечно, замѣчаетъ Гарнакъ, дуализмъ и „острое эллинизированіе“ были устранены, но вмѣстѣ съ тѣмъ церковь приняла формы, аналогичныя съ тѣми, на которыя она нападала у гностиковъ — и это относится и къ догматамъ, и внѣшнему культу и проч. Церковь заняла ту самую позицію, какую занималъ ранѣе врагъ ея (гностицизмъ), когда мало-по-малу тезисамъ его она противопоставила другія, т. е. свои! И какъ сильно пострадала при этомъ первоначальная христіанская свобода — жалуется нѣмецкій историкъ. Теперь стали объявлять, обращаясь къ христіанамъ: ты не будешь истиннымъ христіаниномъ, ты не будешь имѣть возможности приблизиться къ Богу, если ты напередъ не признаешь вотъ эти догматы, если не станешь оказывать послушанія вотъ этимъ порядкамъ и откажешься имѣть опредѣленныхъ посредниковъ для достиженія цѣлей религіи. Теперь также перестали считать законнымъ какой-бы то ни было религіозный образъ жизни, если онъ не получилъ апробаціи съ точки зрѣнія правыхъ догматовъ и не нашелъ одобренія со стороны священниковъ. Кто понимаетъ религію въ смыслѣ обычая (*Sitte*) и послушанія, тотъ (резонируетъ Гарнакъ) создаетъ священника, съ тою цѣлію, чтобы возложить на него существенную часть своихъ обязанностей: онъ создаетъ также законъ, ибо законъ наполовину удобнѣе и легче, чѣмъ евангеліе.

Много страшнаго наговорилъ здѣсь Гарнакъ. Но нѣтъ никакого основанія пугаться его страховъ. Крайніе протестанты всегда желали и желаютъ видѣть христіанство, чуждое всякихъ формъ. Но существуетъ ли такого рода христіанство, да и можетъ ли существовать? Безъ сомнѣнія, таково будетъ христіанство въ раю небесномъ, но вѣдь Гарнакъ говоритъ о христіанствѣ земномъ, а не небесномъ.

Затѣмъ нѣмецкій ученый подводитъ итоги достигнутаго имъ изученія состоянія церкви II вѣка. Онъ пишетъ: кто сравнитъ внутреннее состояніе христіанства начала III вѣка съ тѣмъ, каково оно было назадъ тому 120 лѣтъ, тотъ почувствуетъ себя преисполненнымъ самыхъ противоположныхъ впечатлѣній и сужденій. Съ одной стороны онъ будетъ изумленъ творчествомъ католической церкви, ея всесторонней энергіею и неустанною дѣятельностію, но съ другой стороны съ горестію найдетъ, что въ ней нѣтъ уже многого изъ того, чѣмъ она обладала раньше, въ ней поубавилась непосредственность отношеній, свобода, внутренняя союзность. Онъ будетъ благодаренъ ей за то, что церковь преобѣдила всѣ попытки затереть самостоятельный обликъ христіанской религіи и превратить эту религію въ сумму преходящихъ представленій, и за то, что она охранила себя отъ „острого эллинизировація“ (рѣчь идетъ о борьбѣ съ гностицизмомъ), но онъ же не можетъ не признавать, какой дорогой цѣной куплено ею ея „самоутвержденіе“. Измѣненія, какія потерпѣла церковь, по мнѣнію Гарнака, въ разсматриваемое время заключаются въ слѣдующемъ:

1) Прежде всего потерпѣли ущербъ свобода и самостоятельность въ религіи. Никто уже не могъ теперь сознать и считать себя христіаниномъ, т. е. чадомъ Божиимъ, кто напередъ не подчинитъ своего религіознаго опыта и вѣдѣнія контролю церкви. За исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, каждый христіанинъ долженъ пребывать въ опекѣ и послушаніи церкви, и онъ никогда не можетъ сдѣлаться совершеннолѣтнимъ, оставаясь въ зависимости отъ догматовъ, священника, культа и „книги“ (Библии!).

2) „Острое эллинизировація христіанства было предотвращено церковію, но греко-философская тенденція, что истинная религія есть собраніе догматовъ, которое должно распространяться на весь кругъ знанія (науки), все болѣе и бо-

лѣе встрѣчаетъ себѣ пріёмъ въ христіанскомъ мірѣ. Конечно, можно находить доказательство въ пользу внутренней силы христіанской религіи, если обратить вниманіе на то, что эта вѣра „рабовъ и старыхъ женщинъ“ всосала въ себя всю греческую философію съ ея ученіемъ о Богѣ и мірѣ, слила ее съ своимъ собственнымъ содержаніемъ и соединила съ проповѣдію о Иисусѣ Христѣ; но это важное обстоятельство имѣло своимъ слѣдствіемъ подмѣну главнаго интереса религіи и ея чудовищное отягощеніе. Вопросъ: „что я долженъ дѣлать, чтобы спастись“, вопросъ, на который Христосъ и апостолы отвѣчали еще очень кратко, получалъ теперь (послѣ II в.) спротяженно-сложенный отвѣтъ; и если еще встрѣчались міряне, хотѣвшіе довольствоваться краткимъ отвѣтомъ на вопросъ, то ихъ признавали христіанами несовершенными (о чемъ тутъ рѣчь у Гарнака!) и указывали имъ, что они должны быть въ послушаніи у разумѣющихъ истину лицъ. Христіанская религія пріобрѣла ту *склонность къ интеллектуализму*, которая сдѣлалась ея достояніемъ въ послѣдующее время.

3. Церковное устройство получило въ это же время особенную самостоятельную цѣнность. Оно сдѣлалось религіознымъ „величіемъ“ (Grösse). Первохристіанское церковное общеніе, основанное на идеѣ братства, а равно мѣста и формы для общественнаго богослуженія,—все это представлявшее тайственный отгѣнокъ небесной церкви—теперь превратилось во что-то неизбѣжное въ религіи, стало „учрежденіемъ“. Начали теперь увѣрять, что этому учрежденію Духъ Христовъ поручилъ все, въ чемъ нуждается каждый христіанинъ, и что поэтому этотъ послѣдній привязанъ къ указанному учрежденію не только въ дѣлахъ христіанской любви, но и въ вѣрѣ и притомъ всецѣло. Духъ дѣйствуетъ—такъ стали учить—только здѣсь и всѣ Его благодатные дары только здѣсь можно обрѣтать. А какъ скоро это случилось, всѣ распоряженія, исходящія отъ этого учрежденія, стали считаться священными. Религія начала терять свою свободу.

Но не однѣ пессимистическія мысли (совершенно неосновательныя) возбуждаетъ у Гарнака состояніе церкви II вѣка. Онъ находитъ въ немъ и много отраднаго, о чемъ онъ тоже не считаетъ себя вправѣ умалчивать. Церковь этого времени была исполнена глубокаго чувства къ тому, что составляетъ

главное дѣло (Hauptsache) въ Евангеліи (т. е. что-же это?), и отличалась хорошимъ (gute) знаніемъ Евангелія (а впоследствии развѣ этого не стало!). Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что надежда на жизнь вѣчную, полная преданность Христу, самопожертвованіе и нравственная чистота, не смотря на всѣ слабости, безъ которыхъ тоже не обходилось дѣло,—еще составляло „дѣйствительные“ признаки того союза, который именовался церковію, пишетъ историкъ.

Въ остальной части своей книги, Гарнакъ разсматриваетъ и обсуждаетъ историческое состояніе главнѣйшихъ христіанскихъ церквей: Греко-восточной, римско-католической и протестантскаго общества. Наша рѣчь объ этой части изслѣдованія его будетъ сравнительно коротка. Это потому, что самъ авторъ вопросамъ, касающимся указанныхъ церквей, удѣляетъ сравнительно немного мѣста. Всѣмъ имъ въ совокупности отводится не болѣе 1/3 книги. Да и разсужденія его здѣсь не представляютъ большого интереса и не особенно оригинальны. Мы обстоятельнѣе всего остановимся на воззрѣніяхъ касательно Греко-восточной церкви: вѣдь, это наша православная церковь. Разсмотрѣніе перечисленныхъ церквей подведено у нѣмецкаго историка подъ однѣ и тѣ же рубрики, что въ полной мѣрѣ способствуетъ ясности представленія. Гарнакъ, при изученіи этихъ церквей, задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: „чѣмъ ознаменовала она себя въ исторіи? Какъ ее слѣдуетъ характеризовать? Насколько модифицировалось въ ней евангеліе и въ чемъ она осталась вѣрна ему“?

Тѣже самые вопросы ставитъ Гарнакъ и при разсмотрѣніи Греко-восточной церкви, которую онъ въ отличіе отъ римскаго католицизма именуетъ греческимъ католицизмомъ. Свою рѣчь объ этой церкви онъ начинаетъ слѣдующими неожиданными словами: я прошу васъ перешагнуть со мною чрезъ много столѣтій и взглянуть на греческую церковь, какою она есть теперь и какою она безъ существенныхъ измѣненій остается уже болѣе тысячелѣтій. Въ церковной исторіи Востока въ теченіе времени между III и XIX вѣками нигдѣ мы не встрѣтимъ никакого перерыва. Поэтому (!) за

исходную точку зрѣнія на предметъ возьмемъ, замѣчаетъ Гарнакъ, современное состояніе этой церкви.

Что касается вопроса, чѣмъ ознаменовала себя греко-восточная церковь въ исторіи, то Гарнакъ отвѣчаетъ на него такъ. Можно указать на двоякую заслугу ея. Во первыхъ, въ обширной области, какую она занимаетъ, въ странахъ восточнаго Средиземнаго моря и до Ледовитаго океана, она положила конецъ язычеству и политеизму. Рѣшительная побѣда въ этомъ отношеніи совершилась отъ III по VI вѣкъ и привела къ тому, что боги Греціи дѣйствительно исчезли. Это впрочемъ случилось безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны, они умерли вслѣдствіе безсилія. Что ранѣе этого они же значительную часть своей силы передали церковнымъ святымъ (!), объ этомъ замѣтимъ лишь мимоходомъ. Вмѣстѣ съ богами, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ они, былъ преодолень также и платонизмъ, это послѣднее проявленіе греческаго философскаго духа. Церковная философія оказалось сильнѣе этой философіи. Побѣда надъ эллинизмомъ была геройскимъ дѣломъ восточной церкви, которое еще и позднѣе сохранило въ ней свой слѣдъ. Во вторыхъ, эта церковь сумѣла настолько слиться съ народностями, среди которыхъ она утвердилась, что для нихъ религія и церковь стали національнымъ палладіумомъ, и даже палладіумами. Обратимся ли мы къ грекамъ, къ русскимъ, къ армянамъ и т. д. вездѣ мы найдемъ, что церковь и народъ здѣсь нераздѣльны и что первый элементъ можетъ существовать только въ другомъ и рядомъ съ нимъ. Ради своей церкви адепты этихъ національностей, если нужно, пойдутъ на самую мучительную смерть. И это явленіе не есть слѣдствіе насилія со стороны враждебной силы — ислама; тоже встрѣчаемъ у русскихъ, которые не испытали на себѣ власти ислама. Насколько сердечно и крѣпко отношеніе между церковію и народомъ у русскихъ, не смотря на секты, въ которыхъ среди нихъ тоже нѣтъ недостатка, объ этомъ свидѣтельствуется не только Московитская (т. е. русская) печать, но хотя бы, напримѣръ, „деревенскія исторіи“ Толстого (конечно, Л. Н.),—читайте ихъ и вы убѣдитесь въ вышесказанномъ (къ сожалѣнію, я не понимаю, о какихъ „деревенскихъ исторіяхъ“ или разсказахъ гр. Толстаго (Die Dorfgeschichten) здѣсь идетъ рѣчь). Читая ихъ, мы убѣждаемся,

какъ глубоко церковь съ ея проповѣдію о Вѣчномъ (?), о самопожертвованіи, о милосердіи и братствѣ проникла въ народную душу. Низкое состояніе, въ какомъ находится здѣсь клиръ, и то неуваженіе, съ какимъ къ нему часто относятся, не должны вводить насъ въ обманъ: на самомъ дѣлѣ здѣсь клиръ, являясь представителемъ церкви, занимаетъ необыкновенно высокое мѣсто, а идеаль монашества глубоко запалъ въ умахъ восточныхъ народовъ.

Изъ вышеуказанныхъ замѣчаній Гарнака видно, что подъ именемъ греческаго каѳолицизма въ его исторіи онъ разумѣетъ не одну Греко-восточную церковь, но и русскую, и православныя славянскія, и быть можетъ грузинскую церковь (если онъ знаетъ о ней хоть что нибудь). Намъ кажется, такое совокупное обозрѣніе столь различныхъ церквей едва ли удобно. Напримѣръ, „деревенскіе рассказы“ Толстаго развѣ могутъ служить къ изученію религіи и національности въ сферѣ греческой церкви, въ точномъ смыслѣ этого слова?

Затѣмъ Гарнакъ разсматриваетъ, какими признаками характеризуется греко-восточная церковь. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, замѣчаетъ онъ, не легокъ, потому что церковь эта для наблюдателя представляетъ собою въ высшей степени сложное явленіе. Чувствованія, суевѣрія, знанія и культовая мудрость (!) вѣковъ, и даже тысячелѣтій отразились на ней. Далѣе. Если кто посмотритъ на эту церковь, со внѣшней стороны, съ ея культомъ, ея торжественнымъ ритуаломъ, съ великимъ множествомъ ея церемоній, ея реликвій, образовъ, священниковъ, монаховъ и съ ея ученіемъ о таинствахъ, а потомъ съ одной стороны сравнитъ ее съ церковію I вѣка (разумѣется, въ Гарнаковскомъ смыслѣ), съ другою съ эллинскими культами изъ временъ неоплатонизма, тотъ пойметъ, что она принадлежитъ не къ церкви перваго христіанскаго вѣка, а къ культамъ временъ неоплатонизма. Она является не христіанскимъ произведеніемъ съ эллинскимъ (т. е. языческимъ) обликомъ, а напротивъ эллинскимъ продуктомъ лишь съ христіанскимъ обликомъ. Христіане I вѣка вступили бы въ борьбу съ нею въ такой же мѣрѣ, въ какой они вели борьбу съ *magnum mater* и Зевсомъ Сотиромъ. Для безчисленныхъ элементовъ, усвоенныхъ греческою церковію, и почитаемыхъ въ ней за священные наравнѣ съ Евангеліемъ, не находилось никакого мѣста въ

средѣ древнѣйшаго христіанства. Это должно утверждать не только о всей совокупности общественнаго богослуженія (Hauptgottesdienstes), но и о многихъ догматахъ: попробуйте вычеркнуть изъ нихъ нѣкоторыя слова, наприм. Христосъ и другія,—и не останется въ нихъ ничего, что напоминало бы первохристіанство, т. е. истинное христіанство. Эта церковь, вся, разсматриваемая со внѣшней стороны, есть продолженіе греческой (языческой) религіозной исторіи съ нѣкоторымъ вліяніемъ на нее христіанства, какъ элемента чуждаго. Процессъ ассимилированія этой церкви съ эллинскимъ язычествомъ происходилъ между III и VI вѣками и въ VI вѣкѣ пришелъ къ своему заключенію, а въ VIII и IX вѣкахъ результаты этого процесса побѣдоносно утвердились, не взирая на сильное сопротивленіе имъ (разумѣется иконоборство). Съ тѣхъ поръ наступилъ въ греческой церкви покой; достигнутое положеніе не претерпѣвало ни большихъ, ни малыхъ переменъ. Народы, принадлежавшіе къ этой церкви, не знали никакихъ реформаторскихъ стремленій. Они такъ и остались при религіи VI вѣка.

Но недостаточно утверждать, продолжаетъ Гарнакъ, хотя это утверженіе и вѣрно, что восточная церковь принадлежитъ къ сферѣ греческой (языческой) религіозной исторіи. Чтобы въ точности понимать дѣйствія, какими она ознаменовываетъ себя, для этого слѣдуетъ изучить поближе тѣ элементы, которые характеризуютъ эту церковь.

Прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ преданіемъ (die Tradition) и съ подчиненіемъ ему. Конечно, происхожденіе этого преданія приписывалось апостольскимъ временамъ, но при этомъ церковь эта поступала такъ: что почиталось необходимымъ для церкви въ интересахъ приспособленія ея къ историческимъ условіямъ, все такое получало наименованіе „апостольскаго“, потому что казалось, что безъ того или этого и существовать она не можетъ; а что для существованія церкви считалось необходимымъ, то обязательно должно было носить авторитетъ апостольской древности. Съ другой стороны въ этой церкви то, что она считаетъ святымъ, перешло въ буквализмъ и форму. Какъ извѣстно, пунктуальное исполненіе ритуала почиталось въ античное время необходимою принадлежностію служенія Божеству. Преданіе и церемоніаль здѣсь были условіями, при кото-

рых проявлялось святое. Послушаніе, респектъ и піетэтъ были здѣсь же важнѣйшими религіозными чувствованіями. Точно такъ же традиціонализмъ и съ нимъ тѣсно соединенный ритуализмъ характеризуютъ въ весьма значительной мѣрѣ и греческую церковь, но изъ этого само собою вытекаетъ, насколько она удалилась отъ евангелія (!), за-вляеть Гарнакъ.

Вторую отличительную особенность греческой церкви составляетъ то, что она придаетъ большое значеніе понятію „православіе“, или что тоже правому ученію. Она самымъ точнымъ образомъ выработала и опредѣлила это ученіе, вслѣдствіе чего оно сдѣлалось предметомъ ужаса для инновѣрующихъ людей. Только тотъ, кто обладаетъ правымъ ученіемъ, можетъ спастись, а тотъ, кто не обладаетъ такимъ, долженъ быть извергнутъ изъ церкви и долженъ лишиться всѣхъ правъ. А если онъ соотечественникъ для данной націи, то со стороны ея на него взирають, какъ на прокаженнаго, и онъ долженъ порвать связи съ нею (!). Такой фанатизмъ, обнаруживаемый еще и теперь тамъ или здѣсь въ греческой церкви, не есть наслѣдіе греческой (языческой) древности, хотя тамъ уже и замѣчалась наклонность подобнаго рода; онъ не есть также произведеніе римской юриспруденціи; фанатизмъ этотъ нужно признать продуктомъ многихъ факторовъ, пришедшихъ къ такому несчастному соединенію. Однимъ изъ очень видныхъ условій, содѣйствовавшихъ происхожденію изучаемаго явленія, Гарнакъ считаетъ то обстоятельство, что римскій императоръ (здѣсь преимущественно, конечно, разумѣется Константинъ Великій) почти одновременно сдѣлался и христіанскимъ императоромъ и „восточнымъ деспотомъ“. При этомъ, чѣмъ добросовѣстнѣе онъ былъ, тѣмъ интолерантнѣе онъ долженъ былъ быть; ибо Божество вѣряло ему не только тѣла, но и души.

Остановимся на минуту, чтобы дать ясный отчетъ себѣ о томъ, что наговорилъ Гарнакъ о нашей греческой церкви. Одинъ нѣмецкій критикъ Гарнакова произведенія „Сущность Христіанства“ по поводу вышеприведенныхъ его мыслей говоритъ: „должно насъ объять бы страхъ отъ Гарнаковскаго открытія, что по сосѣдству съ нами продолжа-

еть жить „язычество“, лишь прикрывшись христіанскимъ именемъ, еслибы, еслибы самъ же не успокоилъ насъ увѣреніемъ, что въ существѣ дѣла эта церковь остается „доброю христіанскою церковію“. (Это слова Reinhold'a, о которомъ скажемъ ниже). Дѣйствительно, спустя нѣсколько страницъ нѣмецкій историкъ значительно смягчаетъ свой суровый приговоръ о нашей церкви. И на томъ спасибо! Съ своей стороны мы должны замѣтить, что въ нѣкоторыхъ порицаніяхъ Гарнака мы можемъ находить, вопреки намѣренію разсматриваемаго историка, нравственное удовлетвореніе—и поблагодарить его за нихъ. Наприм., онъ упрекаетъ нашу церковь за то, что она, достигнувъ извѣстной степени своего развитія въ VI вѣкѣ, съ тѣхъ поръ безо всякихъ, существенныхъ и несущественныхъ измѣненій осталась до настоящаго времени. Членъ православной церкви только порадуется подобному упреку. Ибо по православному воззрѣнію, церковь и должна быть вѣрною хранительницей древлепреданнаго. Несомнѣнно, также не огорчится членъ православной церкви, а порадуется тому порицанію, съ какимъ Гарнакъ относится къ догматической системѣ греко-восточной церкви. Онъ говоритъ въ тонѣ осужденія о томъ, что эта церковь „самымъ точнымъ образомъ обработала и опредѣлила свое православное ученіе“. Но этотъ упрекъ, на нашъ взглядъ, обращается въ похвалу ей, ибо очевидно греко-восточная церковь старательно уяснила, во что именно она вѣруетъ. А такое уясненіе не дается даромъ, оно плодъ неусыпнаго религіозно-умственного труда. „Познай самаго себя“, говорилъ древній мудрецъ. Этотъ мудрый совѣтъ церковь и осуществила, какъ заявляетъ такой врагъ „каволицизма“, каковымъ несомнѣнно есть Гарнакъ. Будемъ благодарны ему за эти невольныя съ его стороны похвалы по адресу нашей церкви!

Гарнакъ вообще низко цѣнитъ Греко-восточную церковь, объявляя ее возстановительницей въ своей сферѣ древне-эллинскихъ языческихъ представленій и религіозныхъ обычаевъ. Разумѣется, это вопіющая несправедливость. Но въ извиненіе Гарнака укажемъ на то, что не онъ первый и не онъ послѣдній судитъ такъ превратно. Это обычная протестантская вѣроисповѣдная точка зрѣнія нѣмецкихъ бого-

слововъ. Онъ ее не выдумалъ, а лишь механически воспринялъ отъ общества „евангелическаго“. И не намъ историкамъ вступать въ борьбу съ протестантами на этомъ полѣ. Это дѣло теоретиковъ-богослововъ. Имъ и книги въ руки... И они дѣлаютъ это дѣло по мѣрѣ силъ и умѣнья.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Лебедевъ.
